

УДК 1(091)(520)

*Матвеевко В.А.
Matveenko V.A.*

Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокоро)

The specificity of Japanese understanding of truth (makoto)
and the concept of True Heart (magokoro)

В статье производится феноменологический анализ японской философской категории истины (макото), выявляется системообразующая роль макото в эпистемическом пространстве японской философской культуры, а также раскрывается значение концепта Мотоори Норинага истинное сердце (магокоро).

Ключевые слова: японская философия, истина, искренность, сердце, гармония, Мотоори Норинага, Ито Дзинсай, кокугаку, ва, котодاما, макото, магокоро, моно-но аварэ

The article tells about a phenomenological analysis of Japanese philosophical category of truth (makoto). A backbone role of makoto in Japanese philosophical culture's epistemic space is described and the meaning of Motoori Norinaga's concept of True Heart (magokoro) is explained as well.

Key words: Japanese philosophy, truth, sincerity, heart, harmony, Motoori Norinaga, Itō Jinsai, kokugaku, wa, kotodama, makoto, magokoro, mono-no aware

Как известно, японская мысль не имеет, в отличие от европейской, чётких метафизических понятий, как не имеет, собственно, и текстов их раскрывающих и определяющих, оставляя нам лишь множество намёков и подсказок, которые помогают обнаружить смысл, как категорий философских, так и категорий культуры.

Отсюда и возникает проблема аутентичности перевода различных понятий с японского языка, связанная с отсутствием в культуре Запада смысловых значений, заложенных в единице языка оригинала. Понятия японской философии никогда не ориентировались на понимание разумом: напротив, они описывали феномены, предназначенные к интуитивному постижению.

В современном японоведении сложилась точка зрения, что категория истинность-макто 真 и правильность-тадасуса 正しさ «являются чуть ли не единственными категориями, которые с определёнными оговорками можно отнести к числу чисто японских или сформировавшихся в Японии» [8, с. 178].

Исследуя письменную философскую традицию Японии на предмет присутствия в ней понятия истины, как уже было сказано, трудно найти

тексты, подробно описывающие и раскрывающие читателю данную категорию, что, конечно, не свидетельствует о её незначимости.

Так, казалось бы, не тождественные между собой понятия *истина*, *прямота*, *прямотушие*, *искренность*, *правдивость*, *верность* и *истинность* по-японски будут обозначаться одним и тем же словом – *макото*. Объясняется это многоликостью японской истины, которая, несмотря на своё единство, предстаёт перед нами в различных образах.

Дело в том, что звукоформе *макото*, помимо силлабического まこと, присущи четыре различных иероглифических написания, которые равнозначно фигурируют в текстах и соотносятся с четырьмя различными отношениями сопричастности к миру:

- 1) 真 (*макото*, *син*) – истина, раскрываемая *подлинностью*;
- 2) 実 (*макото*, *дзицу*) – истина, раскрываемая *правдивостью*;
- 3) 信 (*макото*, *син*) – истина, раскрываемая *верностью*;
- 4) 誠 (*макото*, *сэй*) – истина, раскрываемая *искренностью*.

Таким образом, размышляя о понятии истины-*макото*, стоит учитывать его слабое сходство с нашим словом *истина* или, к примеру, английским *truth*.

Поэтому целью *настоящей* работы является рефлексивный анализ японской культурной и философской категории *макото* и её взаимосвязи с другими категориями японской философии и культуры.

Прежде всего, стоит сказать о том, что в японской культуре сложилось представление, что подлинная суть вещей расположена в их эмпирической данности. Если следовать этой сложившейся со времён «Кодзики» и «Манъёсю» культурной традиции, то истина-*макото* – это то, что мы *видим* и *слышим*, то, что мы ощущаем. Это данность. И этот видимый образ бытия переживается как самотождественный и его не стоит нарушать и усложнять.

Известно, что само слово *ма-кото*¹ происходит от биномов: истинные слова-*сингон* 真言 и истинные дела-*синдзи* 眞事, оба из которых по нижнему чтению читаются как *макото*. Это следует из синтоистского представления о душе слов-*котодама* 言霊, то есть, слова и дела имеют душу-*тама*; слово так же реально существует, как и событие [5, с. 43]. Это вера в то, что в своём звуковом облике язык кроет духовную силу, раскрывающую вещи-*моно* и способную влиять на ход всех вещей в мире.

Полагая *котодама* проявлением искренности человеческого сердца, сам язык становится преисполненным искренности-*макото* [11, с. 1013], то есть становится способным быть понятным вне всяких преград. Таким образом, искренность является основным принципом, создающим слову-*кото* (言) условие возможности стать поступком-*кото* (事).

То есть истинные слова-*сингон* есть не что иное, как правдивые и правильные слова, передающие истину, к которым в старину приписывалось наличие магической силы. В последствии в синто-буддийской традиции под *сингон* понимались мантры – истинные слова Будды, обращённые к его ученикам, воплощённое в слове духовное начало, которое способно воздействовать на человека, вызвать просветление. А под истинными делами-*синдзи* понимаются дела, не противоречащие истинной природе вещей, то есть, *макото* [5, с. 282]. Под прямой противоположностью *макото* мыслится понятие *магакото* (*магагото*) まがこと (まがごと) – *искривлённость*, *криводушие* и *лживость*. Словообразование которого происходит от дурных слов-*кагэн* 禍言 и дурных дел-*кадзи* 禍事.

¹ *Кото* (こと・言・事) – общий термин, который понимает под собой: вещи, события, ситуации и даже слова (*котаба* ことば). Говоря философским языком, он обозначает неразличённость, что лежит в основе различий между субъективности именованного и объективностью вещи, смыслом и референцией. Иногда противопоставляется вещам-*моно* (もの) как объектам окружающего мира [10, с. 1256]

Подобно учению Аристотеля, содержащему представление об истинствующей душе и нескольких способах её истинствования [1, с. 174-175 (Eth. Nic. VI 3, 1139 b 15-18)], японская культура также полагала макото как истинствование души-сердца *kokoro* 心 и истинного сердца *магокуро* 真心 – то есть сердца простого, правильного, не лживого, правдивого и искреннего; сердца, готового к самопожертвованию во благо других.

Концепт *магокуро* был предложен одним из ведущих теоретиков школы *Кокугаку* (Национальная наука 国学) Мотоори Норинага (1730–1801), которое он противопоставил китайскому рационалистскому понятию *карагокуро* (китайское сердце 漢心), основанному на видении единого принципа устройства всего мира. Извращённые и сбитые с толку «китайщиной» сердца были не в состоянии постичь «Истинный Путь» и истину-*макото*. Норинага видел суть японского Пути в «очищении» (чему, к слову, в синтоистской традиции придаётся одна из ведущих ролей), что и послужило основой его стремления возродить Путь древних, изначально присущий истинному сердцу.

«Изначально японцы полагались не столько на доводы разума, сколько на зов «истинного сердца» (*магокуро*), чистого и светлого, на сердечное знание, интуицию, более, чем на знание книжное, логику. Не идея, а образ лежит в основе их мышления. Священный текст «Кодзики»... не поучает, а приучает видеть во всём богов (*ками*) наглядным описанием их поступков», – пишет Т.П. Григорьева [4, с. 102-103]. Об этом свидетельствуется и в многочисленных указах японских императоров с древних времён: в 645 году в указе о вступлении на престол императора Котоку приводятся его слова: «править Поднебесной надо не иначе как обладая правдивостью-*макото*». В 697 г. император Момму напомнил подданным о высшем смысле «сердца чистого, светлого, правдивого, прямого». Император Сёму в 724 г. издал высочайший Указ о «сердце чистом, светлом, правильном, прямом» как высшем достоинстве человека [8, с. 178-179]. В последних двух случаях мы наблюдаем чёткое указание на сердце *чистое, светлое и прямое*, что предстаёт перед нами как некоторая синтагма, обозначающая свободу от загрязнений-*кэгарэ* 穢れ.

Так как в японской культуре материальный аспект практически не отделяется от духовно-этического (за исключением истины-*макото*, которую можно отнести к категории морально-этических представлений без «материальных» ассоциаций [5, с. 179].), для понимания содержания этого единства мы используем образ светящейся души-*тама* 霊, предложенный А. Накорчевским: «Если её [души – В.М.] поверхность «чиста», то свет ярок и душа «светлая». Коль нет никаких препятствий для прохождения света, то лучи его – прямые, т.е. не преломляются злом, что является зримым свидетельством отсутствия каких-либо отступлений от нормы (искривлений). А если так, то душа «правдивая» – в первом случае, или «правильная» – во втором, то есть, другими словами, не обманывающая, не лживая».

В то же время в «Словаре древних слов» говорится: «В литературе главное – передать *макото*, но это не значит изображать действительные вещи как есть, нужно передать их небытийность, таинственную Красоту», ведь японцы, по словам Т.П. Григорьевой, с древних времён отождествляли истину-*макото* с красотой – *би* 美, сущностью мира. Той красотой, от которой нельзя отступать, чтобы не сделать «прямое» кривым».

Таким образом, японская культура фиксирует наличие двух комплексов феноменов, отражающих экзистенциальную вариативность проживания человеком состояния истины, или истинствования сердца:

(1) Первый комплекс включает в себя подлинность 真, правдивость 実, верность 信 и искренность 誠;

(2) Второй комплекс обобщил в себе те характерные для японской культуры экзистенциальные понятия, которые выражены иными, нежели *макото*, словами: красота-*би*, прямое-*тадаси* и чистое-*харэ* в противоположность кривому-*магаси* и загрязнённости-*кэгарэ*.

Указанная вариативность истинствования сердца лишь подчёркивает тот факт, что истина-*макото*, понимаемая как истинствование души-сердца-*кокоро* 心 посредством любого из способов своего раскрытия в конечном счёте позволяет пережить гармонию-*ва* 和 мироздания, приобщиться к участию в ней, к хранению её (*ва-о мамору* 和をまもる).

В некотором смысле заботливое участие в гармонии мира (*ва-о мамору*) мы можем прочесть как восточный вариант хайдеггеровского Бытия в мире (Dasein). Более того, фактически японская культура выработала для этого свою, специфическую форму рефлексии – печаль-очарование-*аварэ*.

Именно *магокоро* способно пережить моно-но аварэ (печаль вещей もののあわれ). *Моно-но аварэ* заключается в соприкосновении человеческой души с *ками*, заключёнными в вещах-*моно*, достижении истинной и искренней гармонии-*ва*, сохранении этой гармонии мира – и в итоге постижение *аварэ* красоты самой *ва* – то, на что была не способна душа, искажённая мудростью конфуцианского учения. К слову, именно это и послужило причиной отказа Норианага от конфуцианского или буддийского толкования синтоистских текстов, для постижения и осознания которых было необходимо пережить их *аварэ*.

На вопрос о том, почему человеческая мысль настолько глубока, Норианага отвечал только одно: «Причина тому – *моно-но аварэ*». Это именно то, что, по его мнению, заставляет сердце «двигаться», то есть жить. И познание *моно-но аварэ* есть взволнованность (как радость, так и тревога) по окружающему миру, что и является пониманием природы вещей [14]. Поэтому мы можем предложить, что в нашем контексте моно-но аварэ может быть интерпретировано как «печаль о мире». Суть моно-но аварэ – есть подтверждение искренности верной *макото* человеческой души, проявление её истинных и искренних чувств и её гармония с Единым посредством ощущения истины-*макото*. Подтверждением чему может служить девятая глава древней конституции Сётоку, где сказано: «Основа человеческого Пути – это искренность-*макото*¹».

Об этом же спустя тысячу лет говорит философ и крупнейший японский комментатор Конфуция Ито Дзинсай (1627–1705), утверждавший, что «Путь мудреца заключается в Искренности²», а так же, что «Искренность есть воплощение Пути». Под самой же Искренностью он понимал Истину свободную от [её] приукрашенности и умаления [10].

Таким образом, с точки зрения японской культуры, истина – это не только глубинный внутренний смысл гармонии, но и участие в ней. Ведь именно благодаря проживанию *ва* – гармоничному сосуществованию Небесного и Земного – рождается это ощущение нерушимой целостности, существующей раньше времени и являющейся воплощением Пути, рождается Истина. *Макото* не является сокрытостью и пределом, а напротив, это то, что явно, и одновременно проживание этой явленности, проживание подлинной природы вещей, проживание их таковыми,

¹ В переложениях конституции на современный японский язык имеются варианты, где кандзи 信 макото (верность, искренность) трактуется как *магокоро*.

² Здесь слову *макото* (как, в общем, и во всей конфуцианской традиции) так же соответствует синографы 信 и 誠

каковы они есть. *Мамото* открывается каждому, кто искренен по отношению к своему миру и живёт в гармонии с ним.

Как мы могли убедиться, категория макото способна выступить в качестве смыслового центра всего комплекса основных категорий японской культуры (*ва-о мамору, моно-но аварэ, камии, тама, би*). Переживание *мамото*, путь постижения гармонии мира и со-участие в ней можно понять как смысловое средоточие *синто* (Путь Богов 神道) – общего названия японской культурной традиции.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Его же. Сочинения в четырёх томах. Т.4 / Аристотель. М.: Мысль, 1984. С. 53-294.
2. Бачурин А.С., Трубникова Н.Н. История религий Японии М.: Наталис, 2009. 560 с.
3. Боги, святилища и обряды Японии: Энциклопедия синто / Под. ред. И.С. Смирнова. (Труды Института восточных культур и античности; вып. 26) М.: РГГУ, 2010. 310 с.
4. Григорьева Т.П. Япония: путь сердца М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2008. 392 с.
5. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция М.: Наука, 1979. 366 с.
6. Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа: Монография / С.Е. Ячин и [др] Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 324 с.
7. Нагата Х. История философской мысли Японии М.: Прогресс, 1991. 416 с.
8. Накорчевский А.А. Синто СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 448 с.
9. Fujitani Mitsue. On kotodama // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W. Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 499-503 pp.
10. Ito Jinsai. A lexicon of philosophical terms // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 348-359 pp.
11. Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 1341 p.
12. Mark McNally. Who Speaks for Norinaga? Kokugaku Leadership in Nineteenth-Century Japan // Japanese Journal of Religious Studies, 2011. 38/1: 129-159 pp.
13. Motoori Norinaga. In defense of the Japanese way // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 474-492 pp.
14. Motoori Norinaga. Mono no aware // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P.Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 1176-1177.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aristotel'. Nikomakhova ehtika // Ego zhe. Sochineniya v chetyryokh tomakh. T.4 / Aristotel'. M.: Mysl', 1984. S. 53-294.
2. Bachurin A.S., Trubnikova N.N. Istoriya religij YAponii M.: Natalis, 2009. 560 s.
3. Bogi, svyatilishha i obryady YAponii: EHntsiklopediya sinto / Pod. red. I.S. Smirnova. (Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti; vyp. 26) M.: RGGU, 2010. 310 s.
4. Grigor'eva T.P. YAponiya: put' serdtsa M.: Kul'turnyj tsentr «Novyj Akropol'», 2008. 392 s.
5. Grigor'eva T.P. YAponskaya khudozhestvennaya traditsiya M.: Nauka, 1979. 366 s.
6. Dao i telos v smyslovom izmerenii kul'tur vostochnogo i zapadnogo tipa: Monografiya / S.E. YAchin i [dr] Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2011. 324 s.
7. Nagata KH. Istoriya filosofskoj mysli YAponii M.: Progress, 1991. 416 s.
8. Nakorchevskij A.A. Sinto SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 448 s.
9. Fujitani Mitsue. On kotodama // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W. Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 499-503 pp.
10. Ito Jinsai. A lexicon of philosophical terms // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 348-359 pp.
11. Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011 1341 p.
12. Mark McNally. Who Speaks for Norinaga? Kokugaku Leadership in Nineteenth-Century Japan // Japanese Journal of Religious Studies, 2011. 38/1: 129-159 pp.
13. Motoori Norinaga. In defense of the Japanese way // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P. Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 474-492 pp.
14. Motoori Norinaga. Mono no aware // Japanese philosophy: a sourcebook / edited by J.W.Heisig, T.P.Kasulis, J.C. Maraldo University of Hawai'i press, 2011. 1176-1177.